

От составителя

Великая Отечественная война (1941—1945) — самая страшная война в истории нашей страны. Тяжёлых четыре года, долгих 1418 дней и ночей, когда мир раскололся надвое: на тех, кого ждали, и тех, кто ждал. Война разлучила тысячи семей. И только почта помогала найти близких — в тылу и на фронте. Письма были самыми дорогими, самыми важными в годы войны. Без них невозможно было выжить и сохранить себя.

Большинства авторов этих строк уже нет в живых. Канули в Лету и те, кому посвящались эти слова. Остались лишь строки — память, чувства, эмоции и надежда, которую люди, находясь на грани жизни и смерти, дарили друг другу. Эти письма не предназначались для чужих глаз, и порой в них выплёскивалось очень сокровенное, глубоко личное. Но сегодня каждое из них, даже самое на первый взгляд незначительное, — исторический документ величайшей ценности.

Фронтовые письма помогут нам прикоснуться к страницам героического прошлого нашей Родины, узнать историю военной корреспонденции, дадут нам уникальную возможность почувствовать дыхание войны, услышать живое, искреннее слово простых людей, прошедших страшные испытания.

Фронтовые письма

22 июня 1941 года. Начало войны было для нашего народа чрезвычайно тяжелым. На страну обрушился враг сильный, жестокий. Всё происходило стремительно. Слишком велико было преимущество внезапного нападения отобилизованной, обученной и вооружённой до зубов вражеской армады на народ, занятый мирным трудом. Шла массовая эвакуация гражданского населения из прифронтовой полосы. Люди меняли адреса, место жительства. Всё сместилось, переехало, сдвинулось с места. Срочная мобилизация в армию зачастую не давала возможности даже попрощаться с родными перед отправкой на фронт. Семьи разлучались на долгие месяцы и даже годы, вынужденные жить и сражаться, ничего не зная о своих родных.

Руководство страны понимало, что справиться с растерянностью, охватившей миллионы людей, сможет только почта. И тогда руководивший в те годы страной И. В. Сталин дал указание о переводе государственной связи на военное положение и обеспечение её бесперебойной работы.

Армейская почта с самого начала войны работала в исключительных условиях. Результатом было то, что письма в военные годы доходили до адресата быстрее, чем в мирное время. Как бы ни была загружена железная дорога, почтовые эшелоны пропускались в первую очередь, а их остановки считались недопустимыми. Вагоны с почтой цепляли ко всем поездам, даже к военным эшелонам. По данным Управления военно-полевой почты, в годы войны ежемесячно доставлялось до 70 миллионов писем. А всего за Великую Отечественную было переправлено около 6 миллиардов писем.

Письма доставлялись с фронта и на фронт разными способами, большей частью с помощью технических средств. В

мирное время за такую доставку пришлось бы заплатить большие деньги, обклеив всё письмо марками разной стоимости. Но воинская почта стала бесплатной уже в самом начале войны. На письмах и открытках ставились специальные штемпели — «письмо красноармейца» и «доставка бесплатно».

В первые же недели войны почтовые работники столкнулись с банальной проблемой — нехваткой конвертов. Бесхитростной солдатской придумкой стали бесконвертные письма — знаменитые треугольники.

Письмо-треугольник представляло собой лист бумаги, любой оказавшейся под рукой, вплоть до газетной, прямоугольной формы, загнутый сначала справа налево, а потом слева направо. Оставшаяся полоска бумаги вставлялась внутрь. Марка не требовалась, письмо не заклеивалось. На наружной стороне писался адрес назначения и обратный адрес, как правило, это был номер полевой почты. Поскольку бумага на фронте была на вес золота, послание писалось мелким почерком, заполнялось текстом всё свободное пространство листа.

Почему письма не заклеивались? Потому что все они в обязательном порядке просматривались военными цензорами. Почтовая цензура существовала и до войны, но в военное время число цензоров увеличилось вдвое. Важным было сохранение военной тайны: не дать возможности врагу по содержанию писем получить сведения о дислокации частей, их вооружении, именах командиров, численности потерь. Проверяющих интересовал и эмоциональный настрой бойцов. Любые спорные места вымарывались цензорами чёрной краской. После проверки на почтовые отправления ставился штамп: «Просмотрено военной цензурой». Хотя, конечно, главными цензорами были сами солдаты, не позволявшие себе рассказывать о фронтовых

трудностях и горестях. Писали-то они в тыл, а там своих бед хватало...

Фронтное письмо-треугольник.

Боец Красной армии опускает письмо в ящик полевой почты. 1939 г. Место съёмки действующая армия. Фотограф Петров.

Автоматчик А. Пузанов и боец А. Лобкарёв опускают свои письма в полевой ящик. 1942 г. Район реки Дон. Автор съёмки не установлен

И всё-таки хоть и считалось, что письма шли быстро, судя по почтовым штемпелям, они находились в пути примерно полтора месяца. Этот путь был достаточно сложным. Письма, адресованные в армию и брошенные в почтовый ящик тылового города, сначала отправлялись в гражданское отделение связи, оттуда на тыловой военно-сортировочный пункт. Затем в

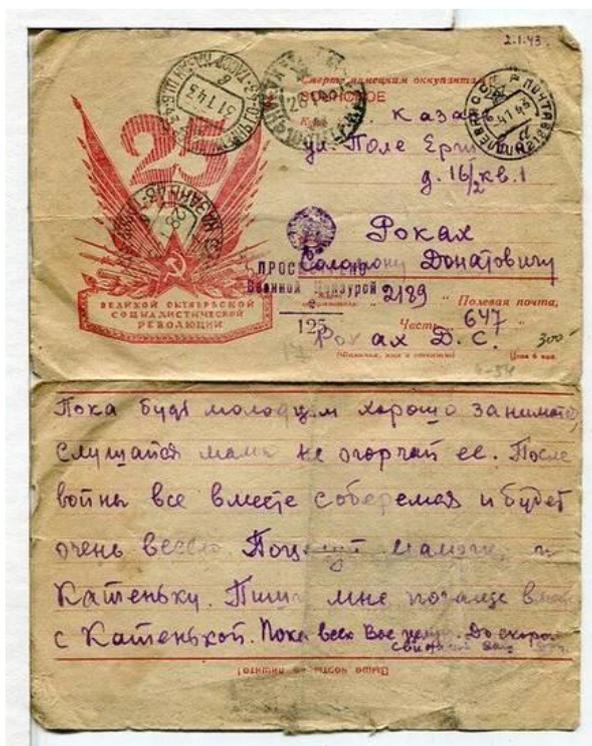
почтовом вагоне они ехали на фронтовой военно-почтовый пункт, оттуда на военно-почтовую базу армии, потом в дивизию, затем в полк, батальон и наконец попадали к адресату. Соответственно, письмо с фронта проделывало тот же путь, только в обратной последовательности. Кого-то письма из дома не заставали в живых. А к родным ещё многие недели шли весточки от уже погибшего бойца. Часть писем не доходила, потому что их изымала военная цензура. Известны факты, когда приказом Главного командования работа полевых почт фронта приостанавливалась на время подготовки особо важных операций, чтобы избежать утечки секретной информации через письма (например, при подготовке Сталинградского наступления). Но в большинстве случаев прилагались все силы, чтобы каждое письмо как можно быстрее дошло до адресата, даже если он находился на временно осаждённой территории.

Самое большое распространение во время войны имели письма-треугольники, но и традиционные виды почтовых отправлений не исчезли. Использовались конверты, иллюстрированные почтовые карточки. На них изображались произведения живописи, лозунги, фрагменты стихов, песен... Самой распространённой была историко-патриотическая тематика: изображения боевых эпизодов, орденов, портреты героев, выдержки из приказов и выступлений Верховного главнокомандующего.

И ещё одно название памятно старшему поколению — «секретка». Такое письмо представляло собой лист почтовой бумаги с написанным текстом, затем лист складывался пополам и склеивался по краю, противоположному сгибу. Обратная сторона была адресной.

Письмо-секретка

Письмо-секретка в раскрытом виде

Все открытки, секретки, конверты не только несли приветы от родных, но и являлись острыми политическими плакатами, зовущими в бой, вселяющими уверенность в победе над врагом. Поэтому художественному оформлению почтовой корреспонден-

ции придавалось огромное значение. В этой работе принимали участие многие известные советские художники: А. Дейнека, В. Корецкий, И. Тоидзе, Е. Лансере, Л. Голованов, Кукрыниксы и другие.

Фронтовые письма — их ждали тысячи женщин по всей стране! Как ждали! Часами караулили почтальонов в надежде на то, что они наконец принесут им известия с фронта. Становилось страшно, когда переставали приходить письма. Солдатские треугольники были залогом того, что приславший их — муж, сын, брат, любимый — жив, а значит, есть надежда дождаться его.

Иллюстрированная односторонняя почтовая карточка полевой почты СССР. 1944г.

В военных письмах было всё: короткие, скупые рассказы о войне и слова любви, фотографии, если была возможность сняться у фронтового фотографа вырезки из фронтовых газет, а ещё были стихи. Простые, сугубо личные, написанные огрызком карандаша в окопах, блиндажах, госпиталях, они доходили до близких в тылу как бы вживую, из рук в руки, сохраняя тепло родных пальцев, сердец и душ.

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Такое письмо в стихах после выхода из окружения осенью 1941 года написал Алексей Сурков своей жене. А через год, благодаря композитору Константину Листову, это стихотворение превратилось в песню «В землянке». Песню, которая стала лирическим символом Великой Отечественной войны.

Письмо с фронта.
Художник А. И. Лактионов. 1947 г.

Письма с фронта были светом в окошке для тех, кто остался в тылу. Их писали в зной и в стужу родные натруженные руки солдат. Писали бесхитростным языком, в основном о том, что их волновало. Но в солдатских письмах редко найдёшь жалобы на тяготы фронтовой жизни. Здесь всё в порядке: и питание, и здоровье, и настроение. А если бой, то чаще всего — успешный. Зато о жизни близких в тылу боец хотел знать во всех подробностях: как учатся дети, закончился ли сев, не притесняет ли колхозный председатель? И во многих письмах по давнему крестьянскому обычаю многочис-

ленные приветы и поклоны знакомым (чтобы кого-то невзначай не обидеть).

Из письма Михаила Колокольниковца (Орфография автора письма сохранена): «Здравствуйте Дорогие Мои Луша Зоя и Любочька. Кланюсь вам и желаю здоровья. Ещё кланюсь Маме Даше Томочке Люсе Идее и Валерику. Ещё привет Нине Серёже мамаше Ксении Максимовне, Толе и Стёпе...»

В каждой строчке этих писем видна любовь к своим родным, близким людям. А какими нежными, ласковыми словами они начинаются: «Дорогая моя женуленька», «Моя душенька», «Моя милая», «Моя родная», «Многоуважаемая супруга Мотя», «Дорогие уважаемые родители»... Какая теплота передана в этих трогательных обращениях!

Судьба не баловала этих людей. Они многое перенесли, жилось им нелегко. Но это была их жизнь, они любили её, а когда пришло время — с оружием в руках встали на её защиту. Любовь к жизни — это самая характерная черта солдатских писем.

Из письма командира партизанской бригады Александра Германа жене: «...Воины Красной Армии дерутся честно, самоотверженно. Они знают, что за их спинами свободолюбивый советский народ. Они говорят, что лучше умереть, отстаивая свою независимость и свободу, чем влачить жалкое рабское существование. Так смотрю на эти вопросы и я.

Жизнь я люблю безумно. Она хороша, и своими горестями и своей радостью, но если придётся умереть, то знай, что умру честно, самоотверженно. Я не посрамлю земли русской, не посрамлю своей семьи; сыну будет что вспомнить об отце его, и если когда-либо ещё повторится столь грозный час, то будет с кого взять пример... Ваш Шура. 9 июля 1942 г.»

Солдатские треугольники были общей радостью — всей семьи, деревни, села. Их носили из дома в дом, читали вслух ещё

и ещё раз — они как бы озаряли тяжёлые рабочие будни оставшихся в тылу людей, придавали им силы, вселяли веру в Победу, вдохновляли на труд.

Фрагмент из письма солдата Ивана Селиванова: «Бьём врага, приближая час победы. В этом большая и ваша заслуга, что вы даёте нам всё необходимое. Ну, ничего! Придёт то святое время, когда я свою боевую подругу-винтовку сменю на звонкую весёлую гармонь! И уж тогда всё потерянное время нашей молодости возвратим. Надо только поднапрячь все свои силы для полного разгрома ненавистного врага... Июль 1944, Румыния».

Писем ждали и даже когда они не приходили, вера в то, что письмо в дороге, что оно скоро придёт, не покидала людей. Есть яркий тому пример. Весной 1942 года в блокадном Ленинграде, еле пришедшем в себя от страшной зимы, вдруг возникла и молниеносно распространилась странная «мода»: на груди почти каждого ленинградца появился неведомо откуда взявшийся жетон — маленькая жестяная ласточка с письмом в клюве. Эту ласточку носили все — мужчины и женщины, старики и дети. Что означало: «Жду хорошей вести» или «Жду письма». Этот жетон помогал верить в то, что тот, кого ждёт обладатель жестяной ласточки, жив и напишет долгожданное письмо. Но город был в блокаде. С величайшей опасностью и трудом можно было проскочить в осаждённый Ленинград по ладожской Дороге жизни, и только птица с доброй вестью могла свободно прилететь сюда.

В 1945 году Ольга Берггольц написала стихотворение «Блокадная ласточка»:

Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна —

та весна сорок второго года, в осаждённом городе весна.

Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.

Это было знаком доброй вести,
это означало: «Жду письма».

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолёт,
только птица к нам, до Ленинграда,
с милой-милой родины дойдёт.

...Сколько писем с той поры мне было.
Отчего нее кажется самой,
что доньше я не получила
самое желанное письмо?!

<...>

Кто не написал его? Не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
и не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доньше бродит
то письмо, желанное, как свет?
Ищет адрес мой и не находит
и, томясь, тоскует: где ж ответ?

О. Берггольц «Блокадная ласточка»

Письма с фронта шли в разные уголки огромной страны, туда, где были оставлены родные люди. Но писем ждали и на другом конце разорванного мира — на фронте. Вдали от дома тосковал солдат по родному очагу, крепко скучал по жене и детям, мечтал о встрече с любимой. Вовремя доставленное из дома письмо было для солдат гораздо важнее, чем полевая кухня и прочие

скромные блага фронтовой жизни. Очевидцы вспоминают, что солдаты плакали, целовали конверты, полученные из родного дома.

Советские бойцы на передовой получают почту. 1942 г.

Из письма Евгения Селеткова: «Дорогая жenuленька. Писать много — нет времени. Около двух недель не получаю от тебя писем. Дьявольски досадно. Наш полк вступил в бой. Бьёт немцев в хвост и в гриву. Рёв моторов над головой не прекращается ни днём, ни ночью. Душой не слабну. Ночь стоял на посту, прислушивался и... думал о тебе. Целую и обнимаю всех. Ваш Евгений Селетков. 9.08.42».

Многие солдаты воевали в полном неведении о судьбе своей семьи. Кто-то из их родных оставался на оккупированной территории. Советские города и сёла в прифронтовой полосе подвергались постоянным обстрелам и бомбёжкам. Вопрос, живы ли родные, друзья, знакомые, постоянно мучил бойцов. Письма из тыла от близких и дорогих людей успокаивали воинов, поднимали им настроение, придавали решимости и отваги, вдохновляли на новые подвиги.

Фрагмент из письма Виктора Шушарина: «Добрый день, мамаша! С приветом твой сын... Мама, пишу, тороплюсь: предстоит огромный бой, и перед боем получил письмо. Это большая помощь для человека, ибо в таких случаях он готов крушить всё за родную мать, за её слёзы, за детей, за невест, за народ своей Родины, который не покладая рук работает на нас, а мы дерёмся за народ... 4.07.42».

Там, на фронте, обострялись все человеческие чувства, солдатские надежды и тревоги обращались к далёкому дому, к самым близким людям. А кто же ближе матери? Она никогда не предаст, она любит тебя больше жизни. Мама — это спасение, это чувство защищённости. Её любовь — это огромная сила, свет, вера. Так много военных писем, адресованных матерям, писем нежных, благодарных, заботливых...

Из письма командира пулемётного взвода 310-го стрелкового полка младшего лейтенанта Ивана Степанова: «Знай, маманя, что я до последнего дыхания буду помнить тебя и всю нашу семью. Я о вас никогда не забываю — в дни, когда смотрим смерти в лицо. Может случиться, что мы больше не увидимся в жизни никогда. Ведь страшная здесь идёт война, и погибают тысячи людей, а боёв впереди ещё много и много. Моя последняя надежда: может, это письмо получишь, и этот кусочек бумаги будет напоминать тебе о сыне Иване и его любви к матери. Декабрь 1941 года».

Для доставки почты использовались все возможные способы — поезда, корабли, самолёты, автомобили, мотоциклы. Известно, что в Севастополь письма приходили на подводных лодках. Но в ряде районов использовались почтовые голуби, в основном для доставки секретной почты. Немцы для их уничтожения выпускали специально обученных ястребов, да и снайперы старались уничтожить птиц-почтальонов. Но большей части

голубей всё же удавалось успешно доставить информацию к месту назначения. Для уменьшения возможности обнаружения их советскими учёными была выведена особая порода почтовых голубей, способных летать ночью. Самым показательным по применению голубиной почты был 1944 год. Только за 6,5 месяца голубями было доставлено свыше 4 тысяч депеш, из них около 1 тысячи в наступательных боях. Всего за годы войны почтовыми голубями доставлено более 15 тысяч голубеграмм.

Для фронтовиков было настоящим счастьем получить письмо из тыла, тем более что доставить к месту назначения их было непросто. Ведь воинские части не стояли на месте — то отступали, то наступали, порой почтальонам было тяжело найти их, а иногда письма буквально с боем пробивались к своим адресатам.

Из письма неизвестного солдата: «Добрый день, Лида. Шлёт Вам привет из фашистской Германии ваш Сергей. Спешу сообщить о том, что незабываемый для меня день 14 марта 45 г. Этот день, характерный для меня тем, что в 5 часов утра по бреславскому времени под шквальным огнём нашей артиллерии и противника под мой танк подполз связной и постучал в аварийный люк. Мы ему открыли, и он подал твои, Лида, два письма...»

Почтальон вручает письма красноармейцам.

Фотограф Н. Нордштейн

Советский солдат раздаёт письма сослуживцам. Оригинальное название фотографии «Почта пришла». Время съёмки — 1944 г. Фотограф М. Савин

Основное количество военных почтальонов, или экспедиторов, как их тогда официально называли, составляли мужчины. Это было неслучайно, поскольку общий вес груза, который им приходилось переносить, состоял помимо привычного обмундирования из множества писем и газет и почти равнялся весу пулемёта (30—40 кг). Экспедиторы ежедневно обходили все подразделения своего полка, собирали послания, написанные бойцами, сортировали письма живых и погибших воинов, доставляли их на полевую почту. Быть экспедитором было совсем нелегко: бесконечные фронтовые дороги, колдобины и ухабы, обстрелы и бомбёжки, заторы и вынужденные остановки. Нередко письмоносцы участвовали в боях, оказывались в тяжёлых переделках. Каждый их рейс был связан со смертельной опасностью. И гарантии остаться в живых не было ни у кого. Сколько серых долгожданных треугольничков не дошло до адресата, было разнёсано взрывами, уничтожено огнём, пропало в бесконечной

дороге от передовой до дома!

Фронтовые почтальоны получают корреспонденцию на полевой почте для раздачи бойцам на передовой. 1942 г. Фотограф Д. Чернов

Не легче было работать почтальоном и в тылу. Поскольку все взрослые были заняты на тяжёлых тыловых работах, в почтальоны часто определяли девочек-школьниц. До обеда они учились, а после уроков занимались разноской писем по близлежащим улицам или деревням каждый день, в любую погоду, часто без тёплой одежды и обуви, без отдыха, впроголодь. Но они знали, что их ждут больше всего на свете, и несли тяжёлую заветную сумку, тяжесть которой измерялась не килограммами писем, а человеческими эмоциями и трагедиями, которые приходили вместе с ними.

Ей пятнадцати нет — девчонка.

Невысока и очень худа.

Письмоносица, почтальонка,

По прозвищу Нюрка-беда.

В зной и в слякоть, в метель и стужу

С сумкой кожаной наперевес

Разнести Нюрке почту нужно

По пяти деревенькам окрест.

<...>

В деревнях — старики да дети,

Бабы — в поле, то сеют, то жнут.

Почтальонку вдали приметят

И с сердечной тревогой ждут.

Треугольник — живой! Удача!

Коли серый казённый конверт —

Замолчат, закричат, заплачут...

И померкнет в глазах белый свет.

Защемит у девчонки сердчишко
От людского горя и бед...
Тяжела эта сумка слишком,
Если там от беды привет.

Вести чёрные — похоронки,
Горя горького череда.
Письмоносице, почтальонке
Без вины дали имя — Беда.

Малолетка ещё, девчонка —
Только в косах полно седины.
Письмоносица, почтальонка,
Разносящая вести с войны.

Т. Черновская «Стихи о почтальонке»

Какое это было счастье — дожждаться письма с фронта! И какое это было облегчение, если приходил фронтовой треугольник, а не страшный казённый конверт с извещением, так называемая похоронка, в которой сообщалось о гибели военнослужащего, причине смерти, времени, наградах, чаще всего посмертных, и о месте захоронения, если это место было известно.

«Ваш муж, военный комиссар роты, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит. Похоронен на поле боя у населённого пункта...»

«Ваш брат, красноармеец, верный воинской присяге, проявив геройство

и мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками, пропал без вести...»

«Сообщаем вам, что ваш сын значится умершим от ран в полевом госпи-тале... Похоронен...»

Примечательно, что выражение соболезнования близким погибшего в этих документах считалось излишним. На практике же нередко о гибели бойца сообщали родным его боевые товарищи. Такие письма, как правило, были подробными — с описанием обстоятельств смерти воина, словами утешения.

«Письмо боевого друга 15 X. 1944 года.

Здравствуйте, тётя Ульяна Савватеевна, мамаша моего товарища по оружию. Я, как и все воины, сочувствую вам, нашим матерям, особенно Вам, так как Андрюша — Ваш единственный сын. Это очень печальная весть о нём.

Мы с Андрюшей часто говорили о будущем. Но нехорошую мысль мы всегда избегали. Он много рассказывал о ваших местах, озёрах, о знакомых и друзьях. Мы с ним много прошли километров с боями. Дни шли весело и свободно чувствовали себя. Форсировали Вислу и воевали там. 23 августа 1944 года в 11 часов вечера противник нас обстрелял. Снаряд попал в дерево над его окопом. Андрей был ранен в грудь. Умер сразу.

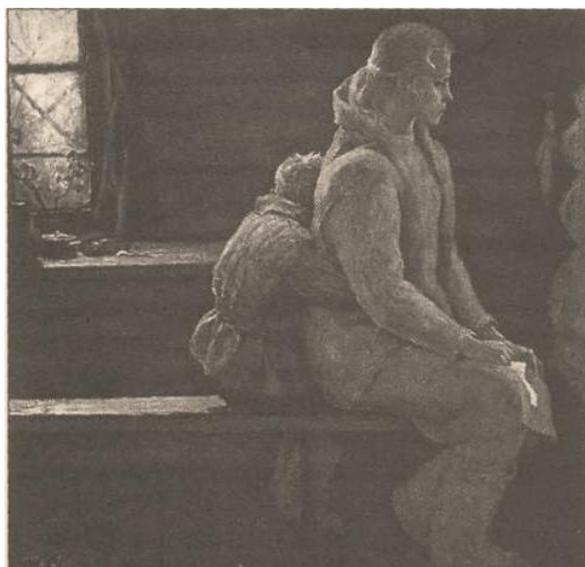
...Когда опускали гроб, дали салют и поклонились солдату, отдавшему жизнь за Родину. Мы поклялись отомстить врагу за

нашего боевого товарища и Вашего сына Андрея Ежова.

Прошу — успокойте себя для дальнейшей жизни. Что можно сделать? Только мстить врагу. Николай».

Последнее письмо.

Художник Б. М. Неменский. 1975 г.

Жара — открыты окна настежь.
В одном из них мерцает тусклый свет,
За тем окном ребёнок тихо плачет,
А на столе — надорванный конверт.

Обычный лист, обычные слова
На стареньком набиты ундервуде*:
«...погиб в бою у города Орла...
...и Родина тот подвиг не забудет...»

Немного спирта в стопке на столе,
Кусочек хлеба — вся дневная норма.
Сегодня тихо — артобстрела нет.
Висит в шкафу наглаженная форма.

На новеньких погонах нету звёзд,
И, видно, никогда уже не будет.
Подняты стопки: бессловесный тост
За сотни тысяч обожжённых судеб...

И. Янакова «Похоронка».

Для близких каждая весточка с фронта бесценна. А для солдата на передовой это жизненно необходимая подпитка. Понимая это, печатные издания всю войну поддерживали неразрывное единство фронта и тыла. Специальные рубрики, где печатались военные письма, появились во всех газетах.

Всесоюзный радиокomitee создал передачи «Письма с фронта» и «Письма на фронт». Это были ежедневные чтения, которые начали действовать уже 9 июля 1941 года. За годы войны Радиокomitee получил около 2 млн писем, позволивших создать свыше 8 тыс. передач.

Письма по радио имели широкий отклик радиослушателей и вызывали оживлённую переписку между фронтом и тылом. Например, лётчик Андреев в письме к брату по радио сообщил, что фашисты замучили их родных, что у них никого не осталось. Через месяц в радиокомитет пришло *письмо от лётчика Андреева*. Он писал...

«С того дня, как прочитали по радио моё письмо к брату, я стал ежедневно получать письма... В каждом письме — чуткое внимание, родственная теплота и сочувствие. Я потерял семью — сотни советских людей пишут мне: "Родной наш, считай себя членом нашей семьи". Я потерял мать — ко мне протянулись сотни рук. "Дорогой сынок, — пишут, — приходи к нам, и ты найдёшь материнскую ласку и заботу". Я потерял двух сестёр и нашёл сотни сестёр и братьев. Горячо, от всего сердца благодарю вас, мои новые отцы, матери, братья и сестры... Я оправдаю вашу любовь и доверие, ваши чаяния и надежды».

Передачи Всесоюзного радио помогли тысячам советских людей найти своих близких и знакомых. Известна даже цифра: с помощью озвученных по радио писем была восстановлена связь между членами 27 тысяч советских семей.

Получение письма всегда было большим событием, праздником для солдата. Его обычно читали коллективно и оживлённо обсуждали. Тайны чужой жизни как бы не существовали вовсе или они были сведены к минимуму. Но письма не только вместе читали, часто их и писали вместе. Далеко не все могли грамотно и красиво составить текст послания. Ведь до войны многим из солдат вообще не приходилось что-либо писать. Поэтому интересным явлением, получившим распространение на фронте, стали «письмовники» — подготовленные и образованные мастера слова. В каждой части имелись признанные и уважаемые всеми специалисты, у

которых можно было взять образец письма или попросить надиктовать его текст вживую. Эти искусники расцвечивали солдатские письма красивыми выражениями, стихотворными строчками.

Вот *одно из писем бойца Андрея Ежова*, наверняка «обработанных» мастером-письмовником :

«Из чужого далёкого края,
Где постылым мне кажется свет,
Посылаю тебе, дорогая,
Свой горячий сердечный привет.

Здравствуй, моя любимая мама. С приветом к тебе твой сын Андрей. Первым долгом спешу уведомить тебя, мама, что я пока жив-здоров. Обо мне не заботься. Пока на старом месте. Мама, напиши мне, что у вас деется. И что слышно о моих товарищах и живы ли они.

И сейчас в минуты сладострастья,
В перерывах жизни фронтовой,
В эти дни томительного счастья
Вспоминаю милый образ твой.

Пока, дорогая мама, до свидания.
Остаюсь твой сын Андрей. 10.05.44».

Бойцы берегли письма, носили их в нагрудном кармане (поближе к сердцу), читали и перечитывали, стирая до дыр бумагу. И с нетерпением ждали новых весточек из родного дома. Им необходимо было верить, знать, чувствовать, что там их ждут и любят. Эти ощущения помогали солдатам и самим не очерстветь душой.

Из письма С. Н. Репецкого: «Шлю горячий фронтовой привет. На дворе бушует пурга, и мне в тесный блиндаж приносят конверт со знакомым почерком: "Вам письмо!" Распечатав, нахожу фотографию. У меня даже сердце стало мягче. Ведь мы хотя люди огрубевшие, но сохранившие сердце, способное любить... 8/1. 44 г. С. Н. Репецкий».

Солдат в окопе пишет письмо. 1941 г.

Письмо маме. Фрагмент. Художник Н. Я. Бут. 1970 г.

Вырванных из мирной жизни людей волновало всё: здоровье, урожай, судьбы знакомых, чем и как питаются семьи. Переписка была той отдушиной, тем соединяющим звеном, которое связывало настоящее с прошлым и будущим. Сам факт написания письма кому-либо, наличия переписки был для солдата очень важным. А если писать бойцу было некуда и ждать писем было не от кого? Тогда переписка организовывалась.

Из письма лейтенанта В. Н. Гаврилова к первому секретарю Тамбовского горкома ВЛКСМ: «В нашем подразделении есть два комсомольца, территория которых оккупирована немецкой нечистью, и данные товарищи совсем не получают писем. А здесь, на передовой, получить письмо — очень, очень большая радость. Поэтому прошу Вас поручить девушкам школы или техникума черкнуть пару слов, а каких — Вы им скажите. 10.01.43».

Письма военной поры — живые, человеческие документы. Написанные сердцем, они ярко раскрывают величие подвига, совершённого нашим народом. Ведь там, на фронте, очень хотелось жить. Но выполнение воинского долга было превыше всего, и, ни на миг не усомнившись в правоте своего дела, бойцы отдавали за него жизнь. И какой силой духа нужно было обладать, чтобы даже в последний момент думать не о себе, а о тех, кто за спиной, — о близких, об Отечестве!

Из письма смертельно раненного танкиста И. С. Колосова невесте: «Здравствуй, моя Варя! Нет, не встретимся мы с тобой. Вчера мы в полдень громили ещё одну гитлеровскую колонну. Фашистский снаряд пробил боковую броню и разорвался внутри. Пока уводил я машину в лес, Василий умер... моя жестока... Ночь прошла в муках, потеряно много крови. Сейчас почему-то боль, прожигающая всю грудь, улеглась и на душе тихо. Очень обидно, что мы не всё сделали. Но мы сделали всё, что смогли. Наши товарищи погонят врага, который не должен ходить по нашим полям и лесам.

Никогда я не прожил бы жизнь так, если бы не ты, Варя. Ты помогала мне всегда: на Халхин-Голе и здесь. Наверное, всё-таки кто любит, тот добрее к людям. Спасибо тебе, родная! Человек стареет, а небо вечно молодое, как твои глаза, в которые только смотреть да любоваться. Они никогда не постареют, не поблекнут. Пройдёт время, люди залечат раны, люди построят новые города, вырастят новые сады. Наступит другая жизнь, другие песни будут петь. Но никогда не забывайте песню про нас, про трёх танкистов. У тебя будут расти красивые дети, ты ещё будешь любить. А я счастлив, что ухожу от вас с великой любовью к тебе. Твой Иван Колосов. 25 октября 1941 г.»

Письма фронтовиков — бесценные достоверные свидетельства, порой лучше документальных фильмов рассказывающие правду о

войне. Не всякому писателю хватит таланта и фантазии отобразить то, что пришлось пережить фронтовикам. Когда было так страшно, что после пережитого ужаса бойцы заикались и несколько дней не могли правильно выговаривать слова. И даже слово «страшно» является эмоционально слабым, его не хватает для передачи перенесённых потрясений.

Из письма старшего сержанта Л. С. Ламбина: «...пришлось пробивать себе дорогу штыками... Этот вид боя самый страшный. Ты лицом к лицу встречаешься с противником... В таком бою все чувства отступают, остаётся одна ненависть, как зверь делаешься... Но после это очень отражается на нервах».

Фронтовые письма писались в перерывах между боями, когда выдавалась у солдата минутка, чтобы отдохнуть немного и вспомнить о своих родных и близких. На передовой с бумагой было трудно, поэтому письма писали на всём, на чём только можно: на тетрадных листах, картоне, упаковочной бумаге, папиросной... Но когда писать было не на чем, а жить оставалось минуты — тогда оставляли прощальные слова на документах, в том числе и на комсомольских билетах.

«Не ощущая страха, не чувствуя усталости в руках, я буду бить врага и до последней капли крови буду предан Родине своей! 15 марта 1945 г.».

Это письмо на комсомольском билете Ивана Ландышева, погибшего 15 марта 1945 года.

Сохранилось письмо, написанное карандашом на белой шёлковой косынке в тюремной камере, в перерывах между допросами и пытками. Оставила его 20-летняя партизанка-разведчица Ольга Ржевская, расстрелянная фашистами в апреле 1943 года. Эту косынку сберегли, она находится среди экспонатов Центрального музея Советской армии.

**Ржевская Ольга Дмитриевна, 20 лет.
Косынка партизанки-разведчицы
Ольги Ржевской, на которой написано
письмо матери.**

Писали фронтовые письма преимущественно простым или химическим карандашом, в лучшем случае (как правило, из госпиталя) чернилами и перьевой ручкой, иногда приходилось писать и кровью. А сколько предсмертных посланий просто выцарапаны на камнях в катакомбах, на стенах и полу в фашистских тюрьмах! И порой только эти стены были свидетелями мужества узников.

Прасковья Ивановна Савельева родилась в 1918 году. Руководила подпольной группой в Луцке. Организовывала диверсии на железной дороге, выкрала у немцев образец секретного химического оружия, переправленный затем в Москву. 22 декабря 1943 года по доносу предателя арестована гестапо. 12 января 1944 года после жестоких истязаний и пыток сожжена заживо во дворе бывшего католического монастыря Луцка. Перед смертью на стене кельи № 14, превращенной в камеру, нацарапала гвоздём записку: «Приближается чёрная, страшная минута! Всё тело изувечено — ни рук, ни ног... Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай, Твоя Паша, январь 1944 г.».

Боевые подруги. Художник Н. Я. Бут

Фронтная, опалённая войной юность... Годы, природой предназначенные для любви и счастья. Война не смогла убить у молодых желание любить и быть любимыми. Но где же найти друга или подругу в суровое военное время? Выход был — молодые люди зачастую переписывались заочно.

Цензорами на почте были в основном девушки, и часто случалось так, что из писем странным образом пропадали фотографии симпатичных молодых бойцов. Злоупотребляя таким образом своим служебным положением, девушки заводили почтовые романы с понравившимися им корреспондентами. Это было, конечно, запрещено, но сердцу не прикажешь.

Не дремали и юноши. Война войной, а молодость брала своё. Нередко девушкам, сотрудницам почтовых отделений, в руки попадали воинские письма с пометкой «первой попавшейся» или с более лирической надписью: «Лично в ручки незнакомой девушке от незнакомца Коли» или Пети, или Васи. Девушки отвечали бойцам. Вообще в годы войны обычным делом стали знакомства по переписке, даже в газетах можно было найти адреса тех, кто хотел бы переписываться с солдатом. Как правило, продолжение этих почтовых романов откладывалось до окончания войны.

Особая тема — женские письма и женщины на войне. Особая потому, что само сочетание слов «женщина» и «война» противостоит естественному. Люди воевали всегда, но затевали войны и участвовали в них в основном мужчины.

На этой войне женщине пришлось стать солдатом, потому что возникла угроза уничтожения самой жизни. И шла женщина в бой не для того, чтобы одержать победу над противником, а чтобы сохранить жизнь. На стене поверженного Рейхстага в мае 1945-го одной из участниц боёв была оставлена надпись: «Я пришла в Берлин, чтобы убить войну».

Из письма расстрелянной фашистами в 1943 году эстонской разведчицы, Героя Советского Союза Лезн (Хелене) Кульман сестре: «Не вешай нос. Это только начало трудностей. Но это всё проходящее. Помнишь, ты сама однажды написала в мой альбом, что буря и дождь пройдут и опять будет светить солнце. Так же исчезнет и самая большая боль, и горе, и настанет опять время, когда можно будет смеяться от всего сердца и быть счастливой. Жизнь красива такой, какая она есть. Украшают её часто именно трудности. Наша жизнь имеет только одну цель — вперёд. Никакой дороги обратно нет. Вперёд! В борьбу и к победе. Если живёшь только одной мыслью, если хочешь сделать всё, чтобы эта мысль осуществилась, тогда никакая трудность не непреодолима... 24 августа 1942 г.»

Но, пожалуй, самой трагичной была судьба матерей в годы войны. Нет ничего выше той жертвы, которую принесли матери. Это они вырастили и воспитали бойцов, которые встали на защиту Родины. Это они проводили детей на фронт, перекрестив их перед дальней дорогой, это они не спали ночами и ждали писем, с тревогой и надеждой встречая почтальона. Трудно представить себе психологический надлом в сознании матерей, когда они видели, как на их глазах гибнет то, ради чего они были созданы самой природой.

Никто не мог так ждать вестей с фронта, как матери. Многие из них, получив во время войны извещения о гибели своих детей,

не верили в их смерть и всю оставшуюся жизнь ждали и надеялись на чудо воскрешения.

Постарела мать за тридцать лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.

И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло...

...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.
Все пришли в кино — и стар, и мал,
Кто познал войну и кто не знал,
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.

Трудно это было вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.

Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик:
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой,
Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась — вдруг он упадёт,
Но сквозь годы мчался сын вперёд.
—Алексей! — кричали земляки.
—Алексей! — просили. — Добеги!

Кадр сменился. Сын остался жить,
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог...

Дома всё ей чудилось кино...
Всё ждала — вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын её с войны.

А. Дементьев «Баллада о матери»

Фронттовики постоянно смотрели смерти в глаза: вокруг погибали друзья, однополчане, каждый из них сам каждый день был на волоске от смерти. Поэтому мужество стало повседневным, будничным. О своих подвигах писали скромно как о само собой разумеющемся.

Из письма солдата Михаила Рогачёва: «Дорогая Нинуша! Я теперь совершенно здоров, хотя был ранен в грудь навывлет и ходил с залепленной раной в бой, потому что так было надо, госпиталя у нас "под руками" не было... 6.08.42».

Жить и выживать без любви, без преклонения кому-то или чему-то, какому-то идеалу невозможно. Самый главный такой

идеал — Родина. У каждого воина была своя дорога на фронт, но побуждение одно — Родина. И желание одно — спасти Родину. И здесь не надо ничего домысливать, угадывать, дописывать. Письма гово-рят всё...

Из письма рядового миномётчика Л. Ф. Мухачёва отцу: «В жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к Родине, а поэтому умру, но допускать врага не стану! Июль 1942».

Фрагмент из неотправленного письма, адресованного любимой девушке, найденного в окровавленном планшете погибшего в 1944 году Героя Советского Союза капитана Игоря Петровича Асеева: «Милая Света! Родина и ты слились для меня воедино. Помнишь, как спорили мы с тобой, чья станица лучше? Я теперь знаю, что Родина — это не только станицы Нижнечирская и Клетская, наш славный тихий Дон, но и тот клочок земли, на котором сейчас сражаются наши солдаты, и маленький литовский городок, за который мы бьёмся вот уже третий день... Дух у наших солдат стоек... Никто не остановит наш порыв».

О разном писали солдаты в своих письмах — о долге и Родине, о радости и грусти, о тревогах и сожалениях. А ещё, несмотря ни на какие фронтовые трудности, люди на войне не разучились мечтать, особенно когда почувствовали приближение Победы...

Из письма А. Лушниковой: «Здравствуй, Катя! Крепко целую всех. Пишу в свободную минутку. Сидим с ребятами, каждый рассказывает, кто как женился, вообще, о прошлой, юношеской жизни. Очень часто сейчас стали беседовать о том, что вот скоро наступит такой час, что радио принесёт радостную весть, весть долгожданную для Вас и для нас. Мечтают ребята, как на свою станцию приедут: один говорит, прежде в парикмахерскую

позвонить по телефону, иные говорят, что лучше невзначай нагряться. Вообще, перед сном много хороших мечтаний... уже сейчас намечают, кто где будет работать. У кого есть детишки, рассуждают о том, что они, наверное, папку не узнают, т. к. некоторые уже по 5 лет не были дома.

Сейчас подучились, и скоро снова в окончательный, решительный бой, победа наша налицо. Неизвестен только срок. Когда окончательно разделаемся, во всяком случае, осталось уже меньше быть в разлуке, чем были. И все воины с такой решимостью ожидают, с таким рвением, скорее бы в бой... Ваш папа. 6.10.44».

Вот так, во время чтения фронтовых писем, перед нами прошли эпизоды военного времени, промелькнули лица конкретных людей. За внешней невзрачностью, сухостью, где-то наивностью, где-то строгостью и торопливостью их писем скрываются души беспокоящихся отцов, заботливых сыновей и дочерей, влюблённых воинов, людей, тоскующих по дому.

Эти письма разные, но и очень похожие. Потому что в большинстве фронтовых посланий отразился повседневный ратный труд: война как тяжёлая работа, война, ставшая привычным делом, приучившая к мысли о возможной гибели, война людей, оскорблённых за большую и малую родину и жаждущих освобождения её от врага. Читая эти письма, понимаешь, что выиграла ту войну не сказочные неуязвимые богатыри, а обычные люди, которым было страшно, больно, холодно. Но они всё вынесли, и каждый стал героем. Ведь, для того чтобы победить всем, надо было победить каждому в отдельности.

О Великой Отечественной войне пишут и будут писать ещё много. Но пожелтевшие, полуистлевшие фронтовые письма — это живые свидетели, помогающие нам понять эпоху, людей

того времени, их чувства и убеждения, понять причины поступков, совершённых ими. И сколько бы ни прошло лет, эти письма нужно бережно хранить. Хранить и помнить слова из далёкого героического прошлого, адресованные в том числе и нам, внукам и правнукам победителей.

ЛИТЕРАТУРА

Алексиевич, С. А. У войны не женское лицо: I Документальная проза. — М.: Правда, 1988. — I 464 с.

Великая Отечественная в письмах: сб. / сост. I В. Г. Гришин. — М.: Политиздат, 1980, 1982. — I 288 с: ил.

Говорят погибшие герои: Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.) / сост. I В. А. Кондратьев, З. Н. Политов. — М.: Политиз-И дат, 1982.— 287 с: ил.

Железнякова, Н. В. Письма с фронта: литературно-музыкальная композиция к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне // Читаем, учимся, играем. — 2005. — № 6. — С. 18—25.

Живые строки войны...: сб. Кн. 3 / ред.-сост. Ю. Левин, В. Лошак. — Свердловск: Средне-урал. кн. изд.-во, 1990. — 283 с. — (Верны подвигу отцов).

Жуков, А. Солдатские думы: О чём рассказывали письма с фронтов Великой Отечественной войны. — М.: Сов. Россия, 1987. — 368 с.

История людей: Люди на войне: альманах / ; гл. ред. Р. Валеев. — Челябинск: изд. дом «Губерния», 2009. — Вып. 14.

Последние письма с фронта. 1941: сб. Т. 1. — М.: Воениздат, 1991. — 416 с: ил.

Ришин, А. Г. «Я пишу тебе из сорок первого...»/ I сост. М. В. Тунгускова. — М.: Мысль, 1990. —187 с.

Шудегова, В. С. «Вспомним всех поимённо»: литературно-музыкальная композиция // Читаем, учимся, играем. — 2005. — № 5. — С. 4—10.